

С. Е. Соколов

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАРЦИССИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И РАЗВИТИИ ЕЕ САМОСОЗНАНИЯ

*Работа представлена кафедрой общей психологии и истории психологии
Новосибирского государственного педагогического университета.*

Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент О. А. Шамишкова

В статье показано, что представление личности о себе содержит как осознаваемые, так и неосознаваемые динамические структуры, образующие целостность и непрерывность «Я». Рассматривается вопрос о нарциссических структурах личности как универсальных составляющих самосознания, обуславливающих динамику представления личности о себе.

Ключевые слова: *представление личности о себе, нарциссизм, самосознание, структура личности, саморегуляция.*

S. Sokolov

ON INTERRELATION BETWEEN NARCISSISTIC MANIFESTATIONS OF A PERSONALITY AND DEVELOPMENT OF ITS SELF-AWARENESS

The author of the article shows that self-representation contains both conscious and unconscious dynamic structures forming the integrity and continuity of the Self. The question about the narcissistic structures of a personality as the universal components of consciousness causing the dynamics of self-representation is examined.

Key words: *self-representation, narcissism, consciousness, structures of a personality, self-regulation.*

Сегодня, как и ранее, в науке не существует единой точки зрения на психологическую природу и сущность феномена «нарциссизм». Похоже, мало, что изменилось с тех пор, когда С. Е. Пульвер писал: «В многотомной литературе о нарциссизме с очевидностью присутствуют только два факта, с которыми согласны все: первый, что эта концепция является одним из наиболее важных вкладов в психологическую науку; второй, что она представляет собой одну из наиболее запутанных и самых сложных концепций, порожденных психоанализом» [16, с. 109].

В своей знаменитой статье 1914 г. З. Фрейд отметил, что *феномен нарциссизм вполне бы мог занять законное место в общепсихологической теории*, в процессе естественного и здорового психического развития человека [13]. Обозначенный концепт парадоксальным образом оказался у З. Фрейда неразрывно сцеплен с феноменом «Я» (с самосознанием личности).

Что касается современного понимания этого концепта, то сегодня в зарубежной психологии широко представлены различные его определения и классификации, предложенные разными авторами. Вместе с тем все они укладываются в схему двух наиболее известных и основных подходов к исследованию данной проблемы. Первый (берет свои истоки от М. Балинта, Д. Винникотта, К. Хорни, Б. Е. Мура, Д. Файна, У. Г. Иоффе, Дж. Сандлера и пр.) в современной формулировке отражает позицию Х. Когута [4; 5]. Второй (основан на идеях М. Кляйн, Г. Розенфельда, К. Абрахама, Дж. Ривьера и пр.) отражает позицию О. Ф. Кернберга [2]. Мы будем придерживаться первого подхода, и идти в своих рассуждениях вслед за Х. Кохутом.

Исходно Х. Кохут определил свою работу как продолжение исследований З. Фрейда по нарциссизму. Обращаясь к знаменитой работе «О нарциссизме» 1914 г., он сконцентрировался на идее З. Фрейда, который особо подчер-

кивал: «Нарушения, перед которыми уязвим *естественный детский нарциссизм*, реакции, от которых он ищет защиту, и способы которыми его принуждают это делать, – вот те темы, которые я предлагаю пока оставить в стороне, как важнейшую область работы, которую нам еще предстоит в дальнейшем исследовать» [13, с. 92; *курсив* – наш].

Х. Кохут предпринял детальное теоретическое и клиническое исследование происхождения и развития «детского естественного нарциссизма», поставив его в центр развития структур «Я». Он показал, что патология нарциссизма – это совсем не тот вариант, когда у человека «слишком много нарциссизма», но наоборот, это тот случай, когда его слишком мало. Другими словами, *нарциссизм сам по себе является нормальной и необходимой основой развивающегося «Я»* [4].

Важно отметить, что Х. Кохут рассматривал концепт «нарциссизм» в двух аспектах: как клинический концепт и как концепт развития, но начал он свои теоретические построения непосредственно с клинических наблюдений. Его главные инновационные идеи касались ядра психоанализа – исследований конфигураций так называемого нарциссического переноса. Как утверждают клиницисты, во всех случаях дефицитарного развития структур «Я» в процессе психотерапии возникает этот специфический феномен, который «обычно описывается как волна из прошлого, захлестывающая настоящее и оставляющая следы, которые невозможно ни с чем спутать» [12, с. 49]. По Х. Когуту, нарциссический перенос – это проявление неосознаваемого стремления клиентов сохранить связность «Я», удержать хрупкую самооценку, компенсировать или защитить представление личности о себе. Это не что иное, как их попытки (на неосознаваемом уровне саморегуляции) поддерживать глубинное чувство: «Я есть», «Я существую». В этом смысле, *нарциссизм – это «психологический клей», который удерживает связность элементов «Я» или текущих представлений личности о себе*. Эта превосходная метафора выявляет феномен «нарциссизм» как динамическую структуру, «с помощью которой переживание себя приобретает связность, и

непрерывность во времени, благодаря чему опыт Я принимает свою характерную форму и прочную организацию» [цит. по: 12, с. 36].

При анализе клиентов, Х. Когут обнаружил, что их ожидания, нужды, потребности и фантазии вращаются вокруг трех главных тем. Первая тема их внутренней жизни отражает тот случай, когда клиенты выражают свою *потребность в аналитике как в эхо* – одобряющем, подтверждающем, восхищающемся – словно он поддерживает своим присутствием их хрупкую самооценку, создавая безоценочное, принимающее пространство. Это позволило Х. Когуту постулировать наличие первого предвестника «Я», обозначив его как матрицу *самоуверенных детских амбиций*. Х. Когут считал, что в ее основе лежит «детская грандиозность», которая в процессе развития самосознания должна переродиться в здоровые цели, амбиции и уверенность в себе. Результатом трансформированного нарциссизма в этой области является способность регулировать самооценку и достигать жизненные цели, наслаждаться физическими (телесными – например, физическая ловкость) и ментальными (умственными – например, мышление, творчество) видами деятельности. Недостаточное развитие подобных структур приводит к формированию неадекватной самооценки и нарушениям ее регуляции, к чувству «немотивированности» и неспособности получать удовольствие ни от какой деятельности (испытывать общее недомогание, скуку, апатию, лень, переживание отчаяния и пустоты).

Вторая тема потребностей и фантазий – это тот случай, когда клиенты испытывают специфическую *потребность в привязанности* к аналитику, которого они ставят на пьедестал и считают всезнающим, всевластным, исключительным – как будто бы они могут перенять или «позаимствовать» это величие и совершенство. Если ожидания и потребности клиента оправдываются, то это также дает ему немножко целостности, инициативности и внутреннего спокойствия. Если его ожидания не подтверждаются, то клиент отвечает гневом или какой-либо другой деструктивной формой поведения (сексуальной неразборчивостью,

правонарушениями, садомазохистскими или аддиктивными проявлениями).

Клинические исследования позволили Х. Когуту выделить второе нарциссическое ядро – этот предвестник «Я» получил название матрица *идеалов, ценностей*. Х. Когут считал, что в основе этой матрицы лежит потребность в *идеализации*. При нормальном развитии это ядро трансформируется в чувство *самоценности*, которое является основой позитивного самоотношения и образует остов ценностного отношения личности к миру. Подобные трансформации нарциссизма проявляются как результат усвоенных нормативных требований и идеалов (общественных ценностей) и индивидуальных приоритетов (ценностных ориентаций) личности, отражающих ее способность жить в соответствии с этими ценностями и придерживаться их. Дефициты в этой области приводят ко многим личностным проблемам и лежат в основе многочисленных аддикций (пагубных привычек, извращений, некоторых форм криминала и пр.), порождают хронический недостаток воодушевления, неспособность радоваться, проявлять интерес и следовать идеалам.

Третья тема потребностей и фантазий отражает *потребность клиентов в отождествлении* психотерапевта с собой (потребность в «Альтер эго»). Они изо всех сил пытаются разглядеть это сходство и испытывают потребность в том, чтобы он думал и чувствовал так же, как они, и чтобы именно в отношениях с ним проявлялись их умения и таланты, доселе им несвойственные. Они как будто постоянно ожидают, что это сходство подтвердит их принадлежность к человеческому сообществу, в котором они прежде были изгоями или никогда не чувствовали себя свободно.

Потребность в «Альтер эго» (в другом Я) – это третье измерение или матрица *врожденных способностей и умений*. И хотя Х. Когут не дал точного определения этому архаичному созвездию, но считал, что потребность в соотнесенности с другими людьми максимально определяет развитие «Я» и отражает основные трансформации нарциссизма (развитие эмпатии, способность к юмору, креативность и признание конечности собственной жизни)

[4]. По мнению Х. Кохута, успешное удовлетворение этой потребности (защищает развитие врожденных задатков, позволяет чувствовать себя членом большой человеческой семьи и подтверждать принадлежность к своей культуре) поддерживает самоуважение, способствует формированию компетентности и уверенности в себе. Дефициты в этой области вызывают чувство непригодности, ненужности, собственной неполноценности и неэффективности, отчужденности от людей и задерживают развитие врожденных умений, способностей и талантов.

Опираясь на свои клинические исследования, Х. Когут реконструировал необходимые составляющие для развития здорового нарциссизма, описав множество инфантильных локальных психических травм, которые, по его мнению, сделали «Я» его клиентов недостаточно «структурированным». Результаты его клинических наблюдений легли в основу новой теории нарциссизма, которая в дальнейшем эволюционировала в «Self-психологию».

Ключевым звеном новой теории нарциссизма является концепт «self-объект», который рассматривается Х. Когутом в двух ракурсах – как клинический концепт и как концепт развития. На содержательном уровне термин self-объект относится к объекту, который *субъективно переживается как обеспечивающий определенные функции*. Связь с этим объектом «необходима для поддержания, восстановления и укрепления организации опыта Я» [12, с. 34].

Х. Когут вводит *исходное определение* – self-объектный (или нарциссический) перенос как неосознаваемое стремление клиентов восстановить инфантильные потребности развития, которые ранее не удовлетворялись достаточно, что и привело к появлению дефицитов в структуре «Я». Проявляясь в клинических условиях, они выражаются в интенсивных, драматических и часто искаженных (защитно-компенсаторных) формах. *Производное определение* – self-объект как класс функций поддержки, восстановления и трансформации опыта организации Я (опыта переживания себя).

Как *концепт развития* «self-объект» выполняет определенные функции в процессе структуризации Я ребенка, регулирует целостность и жизнеспособность этого Я, способствует развитию задатков (талантов и способностей) ребенка. Но главное здесь то, что «self-объект» это не сам объект (реальный родитель), а некое измерение *субъективного переживания этого объекта* [3]. В то же время «self-объект» – это и *специфическая откликаемость* родителя на всю совокупность переживаний ребенка, которая поддерживает у него внутреннее ощущение собственного величия, силы и совершенства, а в ситуации краха детского всемогущества позволяет ему опереться на этот self-объект. На ранних этапах онтогенеза «откликаемость (на аффективные переживания ребенка заботящегося о нем окружения) составляет центральную self-объектную функцию – *организацию ранних, зачаточных представлений ребенка о себе, а также формирование и развитие границ его Я*» [12, с. 103; курсив – наш].

И здесь необходимо особо подчеркнуть следующее. В рамках современного психоанализа идея приближения к миру и удаления от него является сквозной. В терминах М. Малера, это процесс сепарации – индивидуализации [10]. Индивидуализация (как стремление к потенциальной автономии) означает усилия ребенка по построению собственной идентичности, восприятие самого себя как *отличающегося от всех остальных людей*. Термином сепарация (или разделение) обозначает процесс, в ходе которого ребенок формирует представление о себе, *отдельное* от репрезентации его матери. Однако Х. Кохут *категорически возражал против постулирования автономии личности как высшей цели ее развития*. Он считал, что наличие этой «полной автономии» является лишь свидетельством провала в развитии «Я». И хотя Х. Кохут не предложил развернутой модели нарциссизма как динамической тенденции самосознания, но попытался объяснить, как развивается и трансформируется естественный детский нарциссизм, описав ожидаемые варианты поведения, отношений и чувств в онтогенезе (от ребенка до взрослого) на континууме переходных форм его развития.

Х. Кохут намеренно смещал акцент с полной личностной автономии на *формирование и развитие границ Я в соотнесенности с другими людьми*. Он полагал, что «прогресс в развитии Я неизбежно прерывается при отсутствии или нестабильности необходимых self-объектных переживаний» [12, с. 75]. Позицию Х. Кохута в рамках отечественной психологии поддерживает Е. Т. Соколова [10]. Она подчеркивает, что субъект-субъектные отношения (как отношения двух самоценных личностей со своими внутренними мирами) возникают только в процессе развития личности в условиях эмоционально-отзывчивой родительской среды. Отсутствие подобного опыта на ранних стадиях развития приводит к формированию субъект-объектных отношений (когда другой человек выступает в роли объекта, призванного исполнять те или иные функции). В их основе лежит коммуникация, направленная на получение удовлетворения инфантильных нарциссических потребностей, обеспечивающих устойчивое позитивное представление личности о себе.

Следует особо подчеркнуть, что по Х. Кохуту, альтернативой полной личностной автономии является потребность в self-объектных переживаниях и непрерывных, трансформируемых в направлении к зрелости self-объектных отношениях. Он отмечал: «Движение от зависимости к полной личностной автономии в психологической сфере является не более возможным, чем в биологической сфере – движение от жизненной зависимости от кислорода к независимости от него. Достижения, характеризующие нормальную психологическую жизнь, должны на наш взгляд, рассматриваться в терминах *изменяющейся природы отношений между «Я» и его self-объектами, а не отказа «Я» от self-объектов*» [цит по: 12, с. 74]. В связи с этим Х. Кохут говорит о застарелых и зрелых self-объектах, утверждая, что они нужны здоровой личности от рождения до смерти – как застарелые, чтобы стать (быть) тем, кем эта личность уже является, так и зрелые, чтобы ее Я могло получить свою целостность, непрерывность и жизнеспособность наряду с ее креативностью. Главное здесь то, что self-объектные (нарциссические) потребности *не*

изживают себя в процессе развития самосознания и играют важнейшую роль в процессе функционирования представления личности о себе на протяжении всей ее жизни.

В отечественной психологии представление личности о себе рассматривается как структурно-динамическое образование самосознания, своего рода «итоговый продукт» неразрывной деятельности трех его сторон: когнитивной, аффективной и регуляторной [11; 13]. Наиболее разработанные в концептуальном плане подходы к исследованию самосознания условно можно дифференцировать с точки зрения двух аспектов. Первый подход раскрывает, в большей степени, содержательный аспект самосознания, который наиболее представлен в теориях самоидентичности (Э. Эриксон, А. В. Антонова, В. А. Ядов, Т. С. Баранова, Ю. Л. Качанов, Д. Я. Райгородский) и самоопределения (Е. А. Климов, С. А. Иванушкина, А. М. Кухарчук, Н. С. Пряжников, Л. М. Митина и др.). Второй – рассматривает самосознание с точки зрения его структуры. Здесь условно можно выделить три типа теорий самосознания. К первому типу структурных теорий относятся все те концепции и теории, в основе которых лежит анализ различных Я-образов, как разных сторон Я-концепции (У. Джеймс, К. Кофка, Ч. Х. Кули, Дж. Г. Мид, Т. Шибутани, К. Роджерс, Р. Бернс, Е. Т. Соколова и др.) [7]. Сюда же примыкает и концепция «полимодального Я» Л. Дорфмана [1]. Второй тип структурных теорий отражает уровневые теории самосознания [5]. Третий тип концентрируется в основном на двух динамических аспектах самосознания – когнитивном (самопознании) [9] и эмоционально-ценностном (самоотношении) [11; 14 и др.]. Следует отметить, что здесь присутствует и третий, регуляторный аспект, который в отечественной психологии раскрыт достаточно слабо. Скорее исключением, чем правилом, в этом отношении является теория И. И. Чесноковой, которая выделяет третий аспект самосознания – саморегуляцию [14].

Понимание регуляторной динамики представления личности о себе как совокупности защитно-компенсаторных механизмов ее «Я» относится преимущественно к психоанали-

тическим теориям [10]. В этом смысле *представление личности о себе является саморегулирующейся системой, которая включает в себя как осознаваемые, так и неосознаваемые динамические структуры, образующие целостность и непрерывность «Я»* [16]. Однако это не противоречит тенденции, существующей в отечественной психологии, рассматривать *самосознание как ядро личности* (Л. И. Божович, И. С. Кон, А. Б. Орлов, С. Р. Пантिलеев, В. В. Столин, Н. И. Сарджвеладзе и др.), а основной характеристикой самосознания признавать целостность и непрерывность «Я».

Вопрос о соотношении самосознания и личности остается до сегодняшнего дня достаточно дискуссионным [6]. Хотя по этому поводу еще С. Л. Рубинштейн отмечал, что «если нельзя свести личность к ее самосознанию, к ее «Я», то нельзя и оторвать одно от другого» [8, с. 242]. Он подчеркивал, что «Я – это личность в целом, в единстве всех сторон бытия, отраженная в самосознании» [Там же, с. 242]. Иначе говоря, «Я» формируется в личности, следовательно, оно и есть личность, хотя «Я» может и сливаться с личностью, и растворяться в ней. Вместе с тем, также считается, что «термин Я более узок и специфичен. Я <...> является психологической структурой, с помощью которой переживание себя приобретает когерентность (связность) и непрерывность во времени, благодаря чему опыт Я принимает свою характерную форму и прочную организацию» [12, с. 36]. Не останавливаясь отдельно на этой проблеме, отметим, что по этому вопросу мы полагаем, что понятие «личность» шире понятия «Я» – «самосознание является частью личности, но помимо этого в ней могут присутствовать и другие, неосознаваемые структуры» [6, с. 15].

Неосознаваемые структуры *представления личности о себе*, на наш взгляд, могут быть раскрыты в процессе анализа двух взаимообусловленных конструкторов – «самосознание» и «нарциссизм», образующих динамические тенденции Я (развитие телесности, организацию опыта переживания себя, становление границ представления личности о себе, процесс осознания себя и пр.). Представляется, что в основе сопряженности этих

динамических тенденций лежит принцип взаимодополнительности: развитие самосознания в онтогенезе необходимо предполагает дискретно-поступательные трансформации нарциссизма, отражающие *направленность самосознания*.

В отечественной психологии подход, который методологически и теоретически наиболее близок нам по целям и задачам, – это понимание *направленности самосознания как ядра личности* [8]. В самом общем виде направленность можно определить как динамическую систему мотивационных тенденций, нормативов и идеалов, которые находятся в сложных, в том числе и иерархических связях и отношениях. Направленность личности, вслед за С. Л. Рубинштейном, понимается нами, в первую очередь, как мотивационная направленность. По С. Л. Рубинштейну, «проблема направленности – это, прежде всего, вопрос о динамических тенденциях, которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами» [8, с. 104].

Проясняя вопрос об оптимальной сопряженности (сбалансированном соотношении) динамических составляющих самосознания (самопознания, самоотношения и саморегуляции) и нарциссических структурах взрослого человека, в заключение можно сделать следующее обобщение:

1. В условиях эмоционально-отзывчивой родительской среды, при наличии эмоциональной подпитки и эмпатичных ответных реакциях людей, изначально проявляющих заботу о ребенке, развиваются *здоровые нарциссические структуры*, предвестники будущего «Я», которые сначала возникают как ядро появляющегося в онтогенезе самосознания, затем являются универсальной, хотя в большей степени и неосознаваемой, составной частью представления личности о себе.

2. Многочисленные дискретно-поступательные трансформации нарциссизма являются *необходимым условием* для развития здорового самосознания (в неразрывной деятельности трех его сторон: когнитивной, аффективной и регуляторной).

3. Связующим и связывающим звеном динамических тенденций самосознания (как развивающегося в онтогенезе *осознания* представления личности о себе) и дискретно-поступательных трансформаций нарциссизма личности (как неосознаваемой составляющей самопредставления) являются self-объекты.

4. Зрелое представление личности о себе является результатом интеграции взаимообусловленных динамических тенденций самосознания (самопознания, самоотношения и саморегуляции) и дискретно-поступательных трансформаций нарциссизма – это по своей сути есть бесконечный (никогда не завершающийся) процесс формирования и развития структур Я.

5. Зрелое представление личности о себе как «итоговый продукт» развитого самосознания предполагает:

а) здоровые амбиции личности и ее уверенность в себе, способность ставить цели и достигать их, получать удовольствие от физической и ментальной деятельности, поддерживать оптимальную самооценку и адекватно оценивать окружающий мир – результат дискретных трансформаций естественного детского нарциссизма (*реализации нарциссической потребности в отражении*), обуславливающих оптимальный процесс *самопознания*;

б) признание самоценности, формирование и развитие системы ценностных ориентаций в целом как направленность личности на ценности, идеалы своей культуры, позитивно окрашенное самоотношение и реалистические конструктивные отношения с окружающим миром – результат дискретных трансформаций естественного детского нарциссизма (*реализации нарциссической потребности в идеализации*), обуславливающих *позитивное самоотношение личности*;

в) гибкость психологических границ Я и признание границ других людей, эффективность и компетентность, способность к интимной близости, здоровой дружбе и любви, развитие способностей, умений и навыков – как результат дискретно-поступательных трансформаций естественного детского нарциссизма (*реализации детских самоуверенных*

амбиций, потребности в «Alter ego» и идеалах) и необходимое условие для дальнейшего развития самосознания;

г) развитый социальный интерес (термин А. Адлера) и завершенную идентичность (термин Э. Эриксона), чувство защищенности и принадлежности к своей культуре, этносу, социальной группе, профессии и пр., интегральное самоуважение и безусловное уважение

окружающих (признание их прав и достоинств), способность к юмору и эмпатии, креативность, способность быть *собой* (не изменяя себе) и одновременно быть *вместе* с другими людьми – «итоговый продукт» зрелого самосознания и основных трансформаций нарциссизма (реализации интегральной потребности в самоопределении и соотнесенности с другими людьми, осознание конечности своей жизни).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир // Методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993. 455 с.
2. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 464 с.
3. Когут Х. Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003. 368 с.
4. Когут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
5. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 355 с.
6. Моросанова В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. М.: ИП РАН, 2007. 213 с.
7. Психология самосознания. Хрестоматия. Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2000. 672 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. 328 с.
9. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 976 с.
10. Соколова, Е. Т. Психотерапия: Теория и практика. М.: Академия, 2002. 368 с.
11. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983. 284 с.
12. Столору Р. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход / Р. Столору, Б. Брандшафт, Дж. Атвуд. М.: Когито-Центр, 1999. 252 с.
13. Фрейд, З. О нарциссизме // Очерки по психологии сексуальности. Минск: Поппури, 2003. 480 с.
14. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.
15. Янне Г. Развитие фрейдовского Я // Энциклопедия глубинной психологии: в 4 т. М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998. Т. I. С. 457–462.
16. Pulver Sydney E. Narcissism: The Term and the Concept//Essential papers on narcissism. NY. 1986. P. 91–112.
17. Deneke F.-W. Die Regulation des Selbsterlebens bei Gesunden, psychosomatischen, psychoneurotischen und alkoholkranken Patienten – ein taxonomischer Forschungsansatz / Psychotherapie, Psychosomatik und medizinische Psychologie, 1994. Heft. 44. P. 260–280.

SPISOK LITERATURY

1. Dorfman L. Ya. Metaindividual'ny mir // Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy. M.: Smysl, 1993. 455 s.
2. Kernberg O. F. Tyazhelye lichnostnye rasstroystva. M.: Nezavisimaya firma «Klass», 2000. 464 s.
3. Kogut Kh. Analiz samosti: sistematicheskij podkhod k lecheniyu nartsissicheskikh narusheniy lichnosti. M.: Kogito-Tsentr, 2003. 368 s.
4. Kogut Kh. Vosstanovleniye samosti. M.: Kogito-Tsentr, 2002. 316 s.
5. Kon I. S. V poiskakh sebya: lichnost' i eyo samosoznaniye. M.: Politizdat, 1984. 355 s.
6. Morosanova V. I. Samosoznaniye i samoregulyatsiya povedeniya / V. I. Morosanova, E. A. Aronova. M.: IP RAN, 2007. 213 s.
7. Psikhologiya samosoznaniya. Khrestomatiya. Samara: Izd. Dom «BAKhRAKh-M», 2000. 672 s.
8. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t. M.: Pedagogika, 1989. T. 2. 328 s.
9. Slovar' psikhologa-praktika / sost. S. Yu. Golovin. M.: AST; Minsk: Kharvest, 2001. 976 s.

ПСИХОЛОГИЯ

10. *Sokolova E. T.* Psikhoterapiya: Teoriya i praktika. M.: Akademiya, 2002. 368 s.
11. *Stolin V. V.* Samosoznaniye lichnosti. M.: Izd-vo MGU, 1983. 284 s.
12. *Stolorou R.* Klinicheskiy psikhoanaliz. Intersub'yektivny podkhod / R. Stolorou, B. Brandshaft, Dzh. Atvud. M.: Kogito-Tsentr, 1999. 252 s.
13. *Freyd Z.* O nartsissizme // Ocherki po psikhologii seksual'nosti. Minsk: Poppuri, 2003. 480 s.
14. *Chesnokova I. I.* Problema samosoznaniya v psikhologii. M.: Nauka, 1977. 144 s.
15. *Yappe G.* Razvitiye freydovskogo Ya // Entsiklopediya glubinnoy psikhologii: v 4 t. M: ZAO MG Menedzhment, 1998. T. I. S. 457–462.
16. *Pulver Sydney E.* Narcissism: The Term and the Concept // Essential papers on narcissism. NY. 1986. P. 91–112.
17. *Deneke F.-W.* Die Regulation des Selbsterlebens bei Gesunden, psychosomatischen, psychoneurotischen und alkoholkranken Patienten – ein taxonomischer Forschungsansatz / Psychotherapie, Psychosomatik und medizinische Psychologie, 1994. Heft. 44. P. 260–280.